

В. Я. Темплинг

А БЫЛА ЛИ ЦЕРКОВЬ?...

(О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ПЕРВОЙ ЦЕРКВИ В ОБДОРСКЕ)

Несмотря на то, что о храмах Обдорска уже многое написано краеведами XIX и XX столетий, в современных публикациях, как научных, так и научно-популярных, присутствуют факты, имеющие статус аксиом, но никоим образом не подтвержденных документальными свидетельствами. Многочисленные публикации оперируют однотипной информацией, раскрывающей внешнюю историю храмов и почерпнутой из ограниченного круга вторичных источников.

Ранняя история полярного города покрыта туманом неизвестности. В любой книге об Обдорске/Салехарде про первые два столетия его существования сообщается бегло и схематично. По разным свидетельствам основание Обдорского острожка относят к 1592, 1593 или 1595 гг. Официальной принято считать последнюю дату, когда березовский воевода Никифор Траханиотов поставил первый острог¹.

Историю церковного строительства в Обдорске также принято связывать с первыми годами существования острога. Современные исследователи, вслед за игуменом Иринархом (Шемановским) или Н. А. Абрамовым, 1602 называют годом строительства новой церкви. Исследователи предполагают, что построена она была «иждивением утвержденного в княжеском достоинстве Борисом Годуновым новокрещенного обдорского князя Василия»². Сведения о следующем храме относятся только к 1940-м гг. XVIII в., когда была заложена и в начале 1950-х гг. освящена Васильевская церковь³. Таким образом, без малого полтора столетия «первый» обдорский храм никоим образом не

отразился в архивных материалах, между тем как Обдорская застава неоднократно фигурирует в описаниях дел Сибирского приказа⁴. Ни слова о церкви! Ни слова о священниках! Весьма странное обстоятельство, мимо которого проходят исследователи. Лишь Ополовников, заметив эту явную несуразность, предположил, что церковь, появившись здесь задолго до строительства многобашенной крепости, в последующее время, очевидно, перестраивалась⁵. О вопиющем факте отсутствия документальных свидетельств этого утверждения писала И. Л. Манькова в историографическом исследовании по истории православия на Севере Западной Сибири⁶.

Так была ли церковь в Обдорском остроге? Посмотрим, каковы аргументы в пользу 1602 г. Их немного, из них — ни одного документального, как справедливо заметила И. Л. Манькова.

Во-первых, это свидетельство А. Сулоцкого и Н. Абрамова, растиражированное в научной и научно-популярной литературе. Причем у того же Абрамова можно встретить и другую датировку. Например, в работе, опубликованной в 1854 г., датой основания первой церкви указан 1600 г.: «Обдорский остяцкий князь Василий, по принятии святого крещения в Москве, возвратившись в свое жилище, в 1600 г. построил в Обдорске церковь во имя св. Василия Великого»⁷.

Второй аргумент основывается на результатах изучения закономерностей развития первых русских городов Сибири. В частности, А. Н. Копылов приходит к вы-

воду, что «занятие новой территории сопровождалось постройкой укрепленных пунктов-острогов, внутри которых располагались основные казенные здания (приказная и таможенная избы, казенные амбары, воеводский центр, тюрьма)»⁸. Ополовников дополняет эту схему. Он сводит ее к следующей последовательности: сначала возникало казачье зимовье, позже на его месте строился острог «или острожек, в зависимости от размеров укрепленного поселения, и, наконец, крепость, получающая статус города». Необходимыми постройками в остроге, по мнению Ополовникова, были церковь, приказная изба, жилые постройки, казарма с аманатской избой, амбары⁹.

Но возникает множество вопросов, на которые мы не найдем убедительных ответов. Например, где и для кого строил в 1600 или 1602 г. обдорский князь Василий церковь? Как утверждают те же исследователи, постоянное население в Обдорске формируется только во второй половине XVIII – первой половине XIX в., а до этого «жители» появлялись там время от времени¹⁰. Могла ли быть построена церковь в месте, где прихожане появлялись один раз в год на непродолжительное время? Буцинский, например, констатировал, что в Обдорске до самого конца царствования Михаила Федоровича не было постоянного населения, а временно жили служилые люди. При Михаиле Федоровиче сюда «начали присылать целовальников из посадских людей, а с 1635 г. таможенных голов». В наказе собским и обдорским таможенным головам прямо указывалось «жить им на тех заставах немного времени – всего три месяца: июнь, июль, август, а больше того жить там нечего, потому что торговым, и промышленным, и всяким людям мимо обдора и собского устья после Семеня дня в осень и во всю зиму, и весной ездить нельзя, то место пустое, и в сибирские города в то время той дорогой никто не ездит»¹¹. Следует иметь в виду, что это наказная память, которая прописывала некий желаемый по-

рядок организации жизни и деятельности на отдаленных форпостах. Известно, что Москва не всегда владела достоверной информацией о положении дел на окраинах страны, это, во-первых.

Во-вторых, данный документ касался, прежде всего, таможенных голов, распространялся ли он и на немногочисленный казачий гарнизон заставы, остается неизвестным. Поэтому масштабных обобщений на основании этого свидетельства делать не целесообразно. Известно, что в Сибирь через Урал существовало несколько путей, которыми пользовались издавна не только для военных целей новгородцы и москвичи, но и промышленные люди с XV–XVI вв. Березовский воевода Петр Черкасский в 1607 г. сообщал в Москву о поимке в Обдорске 45 торговых людей без проезжих грамот. Черкасский, в частности, писал о том, что «приезжают пустозерцы в Березовский уезд по вся годы многие люди»¹². Таможенная книга Березова за 1687–1688 гг. свидетельствует о том, что между Березовом и Обдорском связи поддерживались не только в летнее, но и зимнее время. 24 ноября березовский казак Костентинко Федоров «явил... привозу своего две постели олених, что он купил у обдорской самояди в Обдорском городке». 8 декабря из северного форпоста в Березов прибыло еще 14 человек служилых людей с мягкой рухлядью на «двенатцат рублев». 7 января «с Обдоры на Березов» приехал сын боярский Иван Кокоулин, а с ним еще двадцать служилых людей¹³. Конечно, нет пока достаточных оснований полагать, что это постоянное население. Но очевидно, что во второй половине XVII в. Обдорск «оживал» не только в летние месяцы. Но как была организована жизнь обдорского гарнизона? Как часто сменялись команды, в какое время, была ли это полная или частичная ротация, как регулярно она проводилась, каков был состав команд? Как был организован быт обитателей острога, заготовка съестных припасов, служба, досуг, духовная и, в конце концов, семейная жизнь?

Совершенно очевидно, что краткосрочные командировки предполагают один вариант организации жизнедеятельности, а долгосрочные — иной и, надо полагать, весьма отличный от первого. Только реконструировав эти компоненты, мы сможем хоть каким-то образом обосновать целесообразность строительства церкви в Обдорском остроге. Ибо о христианской религиозности местного коренного населения на этом этапе и речи быть не может. Если миссионеры XIX столетия испытывали значительные трудности в приобщении к христианству обдорских ханты и ненцев, то в XVII–XVIII вв. последние вели себя просто непримиримо и воинственно по отношению к любой попытке навязать им новую религию¹⁴.

Можно также предположить, что ценовальники и таможенные головы задерживались на северной заставе дольше, чем сменявшиеся казачьи команды. Но еще одно свидетельство березовской таможенной книги заставляет усомниться и в этом предположении. В расходе таможенном есть запись о выдаче березовскому казаку Ивашке Канкарову десяти денег за то, что 7 января он возил «таможенного голову Михайла Пыхова с товарищы встречат обдорцев» сына боярского Ивана Кокоулина и его товарищей¹⁵. Это значит, что в Обдорске в это время таможенного администратора не было.

Тем не менее, если предположить, что в середине — второй половине XVII в. здесь и появилось мизерное постоянное население в виде фискальной администрации, можно ли утверждать с уверенностью, что при катастрофическом дефиците священнических кадров в Сибири, в Обдорске постоянно проживал священнослужитель? Церковь без священника, а тем более в поселении безлюдном или малолюдном большую часть года, дело немыслимое. Непременной частью храма является алтарь — место священное, обладающее очень высоким сакральным статусом даже по сравнению с другим пространством храма и, как следствие, особым режимом.

Правилами Трульского вселенского, поместных Антиохийского и Лаодикийского соборов было определено, что алтарь (а значит и храм) может быть установлен только с благословения епископа, вход в него разрешался лишь священникам, а из мирян — особам царского рода¹⁶. Возможно ли было оставлять его без присмотра?

Распространение на Обдорский острог закономерностей развития сибирских городов является, по-видимому, поспешным. Формулируя эти закономерности, А. Н. Копылов и В. А. Ополовников опираются на материалы по истории строительства таких острогов, как тюменский, тобольский, томский, якутский, иркутский. Но, как отмечает Копылов, это поселения, которые с самого начала приобрели и имели важное военно-административное значение и где изначально концентрировалось русское население по сибирским масштабам XVI–XVII вв. довольно значительное. Северные поселения такими ресурсами христианского населения не располагали. Даже в более населенной и обжитой Коде первые храмы, основанные в начале XVII в., из-за отсутствия приходов были вскоре закрыты¹⁷.

Однако, в работе Копылова есть упоминание и о другом типе острожных построек, которые строились «в районах возможных нападений». В качестве примера исследователь приводит описание Каштацкого острожка, поставленного по указу 1696 г. томскими казаками на алтайской речке Каштак для группы рудознатцев во главе с А. Левандианом. В этом острожке из культовых сооружений была только «часовня трех святителей», устроенная на проезжих воротах. Внутри острога располагались хлебный амбар, 2 кузницы для плавки руды, «для служилых и работных людей 4 юрты земляных», а за острогом около реки — баня¹⁸. В Илимском остроге первая Введенская церковь была построена в 1673 г., а до этого в трех проезжих башнях острога, поставленных в 1667 г., имелись «часовни на свесе»¹⁹. Итак, церковь вовсе не обязательный элемент пер-

воустроенного острога. Для строительства храма не всегда могли быть соблюдены канонические правила, а вот часовня — постройка, не требующая особых условий при возведении и обслуживании. Возможно, именно она была тем самым «необходимым» культовым элементом первых острожков.

По всей видимости, так обстояло дело и с Обдорским острогом. Возникает он как застава, цель которой осуществлять наблюдение за проезжающими торговцами, и как центр сбора ясака²⁰. На дальнем Севере эти мероприятия непостоянного характера — свободно здесь даже до недавнего времени можно было передвигаться либо летом после вскрытия рек, либо зимой — после ледостава.

Такая логика становления первых северных поселений кажется более убедительной. Если Тюмень, Тобольск, Томск возникали и с самого начала имели важное стратегическое значение, то северные остроги, кроме того, что обустраивались в более сложных климатических условиях, на территориях с малочисленным населением, первоначально были призваны лишь обеспечить бесперебойное поступление ясака и контролировать торговые пути. Исследованиями А. Н. Копылова и его предшественников также установлено, что сооружения острожков использовались очень практично и экономно. В рубленых городах устраивались жилые помещения для казаков, в башенных строениях хранились припасы, или жили, как в случае с А. Левандианом. Для него и специалистов рудознатцев была устроена «горенка жилая» в одной из башен Каштацкого острожка. Также несомненно, что устройство часовен именно в проезжих башнях тесно связано с мифологемами пути-дороги и границы.

Далее, если допустить, что Обдорск не являлся пунктом с постоянным населением, но там существовала церковь, то вполне логично предположить, что туда делались вклады, либо выдавались денежные вознаграждения на царские или храмовые

праздники, что, безусловно, должно быть отражено в таможенных книгах, как это мы можем увидеть в березовской таможенной книге 1687–1988 гг. Здесь зафиксировано несколько таких выдач. 1 сентября на день ангела великой княжны Марии Алексеевны соборному попу Макарию Федорову выдано «десять денег». 8 сентября ему же на храмовый праздник еще 6 денег, а 17 сентября на день ангела великой княжны Софьи Алексеевны 10 денег. 19 октября на храмовый праздник Одигитриевской церкви попу Антону Осипову выдано 6 денег²¹.

Не все ясно и с ситуацией начала XVIII в. Лещинский дважды посетил крайние северные пределы губернии, но ни в одном из сообщений про эти поездки нет сведений об Обдорской церкви. Более того, в повествованиях о посещении 1726 г. перед нами предстает мрачная картина — местные жители даже не позволили миссионеру сойти на берег. Но спрашивается, а где был обдорский гарнизон? Где «кипящая» летняя жизнь? Почему миссионер не отслужил молебен в Обдорской церкви?²²

Таким образом, представляется, что датирование строительства первой церкви в Обдорске концом XVI — началом XVII в. малоубедительно. Во всяком случае, пока нет достаточных для этого оснований и свидетельств. Не было и серьезных причин для строительства храма на Полярном круге. Как справедливо заметил В. Перевалов, первые храмы, построенные в конце XVI–XVII вв., предназначались, прежде всего, для русских переселенцев, а немногочисленные прихожане из местного населения посещали церкви, уже существовавшие в русских поселениях²³. Следует признать, что первой по времени возникновения является церковь во имя св. Василия Великого середины XVIII столетия.

Дело сдвинулось после того, как в 1742 г. в Тобольске принял крещение Василий Мурзин Тайшин. Летом 1745 г. митрополит Антоний II (Нарожницкий) издал указ о строительстве церкви в Обдорске и

назначил туда священника Федора Кузнецова. Закладка церкви была осуществлена в августе 1746, а строительство закончено к осени 1749 г.²⁴. Очевидно, тогда же был назначен и полный состав причта. В 1750 г., кроме священника Ф. Кузнецова, в документах упоминаются дьячок Лукьян Дьячков и пономарь Иван Бешкильцов²⁵. Несмотря на то, что здание церкви было готово уже к концу 1748 г., освящение ее затягивалось. Очень много времени ушло на изготовление и закупку всех необходимых принадлежностей. Так, в 1750 г. в Обдорск еще не были отосланы сосуды — ковчег, дароносица, лжицы, потир и другие богослужебные предметы, без чего полноценное богослужение не было возможно²⁶.

Простояла первая церковь около 70 лет. Здание оказалось довольно обширным для сурового северного климата, но в первоначальном виде оно просуществовало 30 лет. Лишь в августе 1779 г. причт с прихожанами обратились с прошением к преосвященному с просьбой о перестройке церкви. Они жаловались, что «церковь построена весьма велика, что по здешнему климату в зиму за великими морозами и за скудостью дров нагревать не можно, отчего те стены и потолок так промерзают, что во время собрания людей, от духа согрешивши, со стен течь, а с

потолка капель бывает на жертвенник и престол, почему с нуждою служба отправляется»²⁷. Для утепления помещения придел во имя Николая Чудотворца было решено оборудовать внутри трапезной. Следует обратить внимание на это документальное свидетельство, т. к. в современных публикациях кочует еще один миф о якобы одновременном строительстве и освящении главного васильевского престола и придела Николая Чудотворца²⁸.

Алтарь нового придела размером 4,5 на 5 аршин (около 12 м²) занял незначительную часть просторной в 55 м² трапезной. После перестройки храм простоял еще более сорока лет до 1823 г., когда было закончено строительство трехпрестольной Петропавловской церкви с приделами во имя Василия Великого и Николая Чудотворца. Осенью 1823 г. предписанием архипастыря престол старого храма был сожжен, здание разобрано. Лес предписывалось употребить на церковное строение и отопление нового храма.

Новому храму была уготована долгая жизнь. Претерпев несколько ремонтов, в конце 1990-х гг. XIX в., в связи с возведением нового каменного храма, старый был переосвящен во имя иконы Божьей Матери «Всех скорбящих радость» и передан в полное распоряжение Обдорской миссии.

¹ Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Древний Обдорск и заполярные города-легенды. М., 1998. С. 45. В числе исследователей, которые придерживаются датировки 1593 г., авторы монографии, очевидно, опираясь на сведения, почерпнутые у А. К. Омельчука, указывают и Франца Белявского. В конце 20-х гг. он посетил Обдорск. Но в описании своего путешествия Ф. Белявский говорит о 1595 г. как о дате основания Обдорска. (См.: Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. Тюмень, 2004. С. 38).

² Ополовников. Указ. соч. С. 112; Иринарх. Храм Обдорской миссии // Православный благовестник. 1903. Т. 1. № 6. С. 271–276. Источник этих сведений, очевидно, восходит к материалам А. Сулоцкого, хранящимся ныне в личном фонде исследователя в Тобольском архиве, на них ссылается и А. М. Аблажей, автор главы о распространении христианства на Ямале в коллективной монографии (Ямал — знакомый и неизвестный. Тюмень, 1995. Сноска № 3). Однако Щеглов утверждает, что князь Василий был крещен в Москве в

царствование Федора Иоанновича, а при Борисе Годунове и в последующее Смутное время жил его сын Мамрук. См.: Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших сведений из истории Сибири. 1032–1882. Сургут, 1993. С. 53–54. Е. В. Перевалова указывает, что у игумена Иринарха (Шемановского) встречается еще одна дата крещения Василия — 1591 г. См.: Перевалова Е. В. Обдорские князья Тайшины (историко-этнографический очерк) // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург; Салехард, 2000. С. 162.

³ Ямал — знакомый и неизвестный. С. 57.

⁴ Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768). Ч. I–IV. М., 1895–1901.

⁵ Ополовников А. В. Указ. соч. С. 102–103, 108–112.

⁶ Манькова И. Л. История православия на севере Западной Сибири в современной историографии // Уральский исторический вестник. Вып. 10 (в печати).

⁷ В других работах Абрамова, посвященных проблемам христианизации северных народов, кон-

кретных дат не приводится. (См.: Абрамов Н. А. О введении христианства у Березовских остояков // Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 339; Он же. Христианство в Сибири до учреждения там в 1621 году епархии // Там же. С. 59; Он же. Материалы для истории христианского просвещения Сибири со времени покорения ее в 1581 году до начала XIX столетия // Там же. С. 64–65). В биографической статье о митрополите Филофее Лещинском Абрамов, описывая неудачное посещение святителем Обдорска в 1726 году, говорит о том, что «первая церковь построена там в 1745 году». (Абрамов Н. А. Филофей Лещинский, митрополит тобольский и сибирский // Город Тюмень... С. 185). В этом случае, как представляется, автор более близок к истине.

⁸ Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. Новосибирск, 1974. С. 115–116. Заметим, что здесь о церкви как обязательной постройке в начальном остроге автор не говорит.

⁹ Ополонников В. А. Указ. соч. С. 45, 72–73, 98.

¹⁰ Н. А. Миненко, не занимаясь специально вопросами народонаселения Сибири XVI–XVII вв., придерживается мнения П. Н. Буцинского и С. В. Бахрушина. Для XVIII века точных цифр по Обдорску не приводит, но общий вывод ее таков, что в 60-е годы этого столетия уездное (речь идет о Березовском уезде — Т. В.) русское население ограничивалось немногими священнослужителями, поселявшимися при церквях в ясажных волостях (См.: Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 35, 47). Автор главы об административном устройстве и населении в коллективной монографии о Ямале утверждает, что в Обдорске, возникшем как таможенная застава, «долгое время, еще в начале XIX в. отсутствовало постоянное население» (См.: Ямал — знакомый и неизвестный. С. 116–117). Хотя внимательное прочтение работы Н. А. Миненко, а также другие косвенные свидетельства, позволяют предполагать, что уже во второй половине XVIII века в Обдорске, очевидно, уже существовала более или менее постоянная группа населения, представленная священнослужителями и административными чинами. Например, характеризуя межсословные браки березовцев (1782 г.), Миненко указывает, что у березовского казачьего атамана Александра Никитина женой была дочь обдорского пономаря Решетникова (Миненко Н. А. Указ. соч. С. 41). В одном из документов, связанных с назначением священников в обдорскую церковь, приводятся цифры о состоянии обдорского прихода в 1763 г. Так вот, по духовным росписям этого года в Обдорской церкви значилось 245 душ мужского пола, 226 — женского, дворов — 62. К сожалению, в документе ничего не говорится о сословной или другой какой-либо принадлежности «душ» и географии их расселения, т. к. в Обдорский приход входило в разное время население юрт Пелважских, Собских, Вандиязских, Шурышкарских. См.: ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 156. Оп. 2. Д. 1328. Л. 1об. В ве-

домостях о приходе в Обдорске в 1794 г. зафиксировано 9 домов, в 1801 — 10, в 1811 — 11. Из 20 человек, которые проживали в Обдорске в 1794 г., только двое не были духовными лицами. В 1801 г. таких персон было уже 6, в 1811 г. — 21, в том числе упоминается частный комиссар П. И. Лысков (в его доме проживало 4 человека). Дом отставного прапорщика А. А. Никитина приютил 7 душ, а у церковного старосты, березовского купца И. Я. Нечаевского, кров нашли 10 человек. См.: ГУТО ГАТ. Ф. 699. Оп. 1. Д. 3. Лл. 66–66об., 161об.–165об., 362–366. Более двадцати лет прожил в Обдорске «опекун» самоедов секунд-майор И. Евсеев во второй половине XVIII в. Одна ревизская душа 1803 г., упомянутая Н. А. Миненко, это государственный крестьянин, все остальные категории жителей Обдорска могли учитываться по другим обществам. Например, купцы и мещане были приписаны к березовскому обществу, хотя могли проживать в Обдорске. (Миненко Н. А. Указ. соч. С. 47–48; Туров С. В. Старожильческое население ЯНАО: динамика и механизмы складывания субэтнической группы // Научный вестник. Вып. 11: Обдорья: История. Культура. Современность. Салехард, 2002. С. 54–55).

¹¹ Буцинский П. Н. Заселение Сибири ... С. 176

¹² Там же. С. 175.

¹³ Таможенная книга г. Березова 1687/88 // Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 6: Томск, Нарым, Березов. Новосибирск. 2004. С. 66–68. По-видимому, Обдорск в то время представлял уже значительный пост. Для сравнения скажем, например, что в то же самое время в Березов прибывали служилые и из других острожков. Из Войкарского города — 5 человек, с пушнинами на 2 рубля 10 алтын, из Куноватской волости прибыл пятидесятник Афонасей Роев и с ним еще 6 человек. Пушнины они привезли с собой на три рубля один алтын четыре деньга. А команда Ивана Кокоулина вывезла из Обдорска пушнины на 41 рубль.

¹⁴ Перевалова Е. В. Обдорские князья Тайшины... С. 177.

¹⁵ Таможенная книга г. Березова... С. 69.

¹⁶ Книга правил святых апостол., святых соборов вселенских и поместных и святых отец. М., 1893. С. 105, 154, 166, 169.

¹⁷ Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. С. 63.

¹⁸ Копылов А. Н. Указ соч. С. 115, 119.

¹⁹ Там же. С. 120–121.

²⁰ Возможно, что по такой же схеме развивалось строительство Березова. Если верны предположения Андреева о том, что возник городок раньше и был основан не казаками, а русскими промышленниками. Н. А. Миненко, анализируя аргументы исследователя, приходит к выводу об убедительности концепции. (Миненко Н. А. Указ. соч. С. 34–35). Таким образом, Березов в первые годы мог вполне благополучно существовать без церкви. Более того, о наличии церкви в первоначальном «траханиотовском» остроге говорится только в предположительном плане, а сведения о первой березовской церкви относятся лишь к

1605 г. (Сразу возникает вопрос, не странно ли, что церковь на Обдорской заставе возникает раньше чем в административном центре — Березове?) (Абрамов Н. А. Христианство в Сибири... С. 55; Он же. Материалы для истории... С. 64; Он же. О церквях города Березова от основания до настоящего времени // Город Тюмень... С. 496). Но в другой статье Николай Алексеевич указывает более раннюю дату — 1603 г. См.: Исторические сведения о церквях города Березова // Там же. С. 504.

²¹ Таможенная книга г. Березова... С. 65. Всего в книге зафиксировано 23 выплаты духовным лицам. Благодаря этим записям мы узнаем, что в это время в соборной церкви Воскресения служил поп Макарий Федоров, в Одигитриевской церкви поп Антон Осипов, в храме Дмитрия Солунского — Василий Климентьев, Николая Чудотворца — черный поп Иона. Церковными старостами были: Рождественской церкви — Баженко Матфеев, Одигитриевской — Аффонка Ногин, Воскресенской — Сенка Кузнецов.

²² Абрамов Н. А. Филофей Лещинский митрополит тобольский и сибирский // Город Тюмень... С. 180–181. Здесь следует обратить внимание на то, что неточное цитирование этого свидетельства Абрамова во многих работах создает иллюзию, что в 1726 г. Лещинский посетил именно Обдорск, но на самом деле он пытался причалить к берегу в расположении летних юрт остяцкого князя, расположенных за Обдорском.

²³ Перевалов В. А. Русская православная церковь в Северо-Западной Сибири в конце XVI — начале XX вв. // Русские. Материалы VII Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2004. С. 166.

²⁴ ГУТО ГАТ. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 13. При закладке церкви присутствовал березовский заказчик протопоп Гавриил Максимов. См.: ГУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 234. Л. 1–1 об. Абрамов Н. А. Антоний II Нарожницкий митрополит тобольский и сибирский (1742–1748) // Город Тюмень... С. 213. У Абрамова годом строительства указан 1748 г., в некоторых работах встречается 1745, но, как видим, последняя дата связана с указом митрополита, а первая — со временем завершения основного строительства. Расхождения в датах, очевидно, связаны с разным подходом к определению начальной даты. Что считать началом храма — указ митрополита 1745 г., или закладку первого венца 1 августа 1746 г., или завершение строительства здания в конце 1748 г., или освящение храма в 1751 г.?

²⁵ ГУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 234. Л. 44.

²⁶ Там же. Лл. 43–44.

²⁷ Там же. Оп. 3. Д. 1723. Л. 2.

²⁸ См.: Перевалова Е. В. Обдорские князья Тайшины... С. 166; Мавлютова Г. Ш. Васильевская церковь // Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа: В 3 т. Т. 1. Салехард; Тюмень, 2004. С. 165; Еманов А. Г. Обдорская крепость // Там же. Т. 2. С. 221.

С. Н. Щербич

РАЗВИТИЕ РЕМЕСЕЛ И ПРОМЫСЛОВ В МОНАСТЫРЯХ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX ВВ.

Статья написана при поддержке Совета по грантам
Президента Российской Федерации, грант МК-994.2004.6

¹ Кузнецова Т. Ф. Художественные ремесла и промыслы женских монастырей в синодальный период // Наследие монастырской культуры: ремесло, искусство, искусство. Статьи, рефераты, публикации. Вып. I. СПб., 1997. С. 29.

Ремесла и промыслы с давних пор входили в круг занятий как женских, так и мужских монастырей. «Рукоделие» считалось необходимым занятием для монашествующих еще в Тавенских монастырях, основанных Пахомием Великим, и было внесено в устав бенедиктинских монастырей¹.

Если в первые века своего существования в российских монастырях преобладало «домашнее ремесло» и «ремесло на рынок», позволявшие обеспечивать обитатели необходимой одеждой, обувью, другими предметами быта и путем продажи или обмена на